

Гордость русского искусства

Еф. ХОЛДОВ

Художник-реалист

Воле Малого театра грузно сидит он в своем бронзовом кресле. Сдвинутые брови говорят нам о человеке, много размышлявшем на своем веку, но ничто не выдает в нем одухотворенности художника. Высокий лоб обличает в нем скорее проинатившего мыслителя, чем вдохновенного поэта. Спокойствие его граничит с бесстрастием. Смотришь на него, на бронзового, и начинаешь думать: вот почему его так часто и так охотно сравнивали с пушкинским Пименом: спокойно злит на правых и виновных, не ведая ни жалости, ни гнева...

Таким ли он был?

Представим себе, что в ночь на двенадцатое апреля, ровно в четыре часа пополудни, когда сравняется 125 лет со дня рождения великого драматурга, опустеет площадь перед памятником Островскому, распахнутся настежь двери Малого театра и неспешно чередой выйдут на площадь действующие лица созданных его гением пятидесяти пьес. Их много — более полутысячи. Если расположить их вокруг памятника, они займут чуть ли не всю площадь — жители Кашинова и Брахмина, замоскворецкие обыватели, нижегородские ополченцы, тушинские мужики, сказочные обитатели берендеева царства. Темное царство, прорезаемое, как молнией, ярким лучом протеста и надежды: непроницаемый дикий лес, в котором нет-нет да раздается живой человеческий голос. Это целый мир, ставший для нас далеким-далеким прошлым, — купцы всех гильдий с их чадрами и домохозяевами, чиновники, приказчики, стряпчие, привержанцы и приближенные, властолюбивые помещики, предприимчивые промышленники, благородные трагики и жалкие комички, бедные невесты и богатые вдовушки, свахи, шулера, студенты, мастера, сановники, аристократы...

Взглянем теперь снова на великого драматурга, когда окружен он образами, вызванными к жизни его гением. Теперь уже мы не скажем о нем: спокойно злит на правых и виновных. Теперь уже не скажем: не ведает ни жалости, ни гнева. Надо только суметь за всеми этими окладистыми бородами, долопопылыми сыртками, суконными поддевами, смазанными сапогами, диковинными чепцами, пестрейшими шальями и шпирочеными салями, — надо только суметь за всем этим плотным строем видеть разглагольствие страсти живых людей. Надо только суметь за характерным говорком, за московским «канашем», за волжским «канашем», за бойкой скороговоркой свах и наивной речью привержанцев, — надо только суметь за всем этим расслышать стон души Катерины Кабановой: душевное слово Геннадия Несчастливцева, жаркое обличение Петра Мелузова.

Его талант был признан очень скоро, но разгадан далеко не сразу. И даже после гениальных статей Добролюбова много еще путали, изрядно еще потрудились над исследованием истинного его облика. Под пером одних он — «иночеловек простой, пустынножизнь на горнице людских страстей». Другие толковали о нем, как о моралисте, преподающем прописные истины. Третий превозносил его, как великого утешителя, все примиряющего, все сглаживающего, все прощающего.

На первых порах его, большого и самобытного художника, пытались во что бы то ни стало втиснуть в узкие рамки тогдашних журнальных вырваний, хотели видеть в нем благодушного поклонника старины, либо только сурового сатирика-обличителя. Когда Добролюбов неопровержимо показал несостоятельность попыток сузить реалистический талант Островского, появилась на свет (и не Добролюбов, конечно, тому виной) версия о совершеннейшем политическом безразличии нашего драматурга, с равным благорасположением, дескать, относившегося и к Погодину и к Некрасову, с равной охотой печатавшегося и в славянофильском «Москвитинине» и в революционно-демократическом «Современнике».

Надо ли говорить, что это вовсе не соответствует истине? Творческий путь Островского — яркий пример благотворного влияния прямой, честной и нелицеприятной революционно-демократической критики. Исследователям еще предстоит проследить, как указания Чернышевского на идейные и художественные слабости пьесы «Бедность не порок» помогли Островскому избавиться от славянофильских наваждений. Еще предстоит внимательно изучить, какое огромное влияние оказали знаменитые добролюбовские статьи о темном царстве на все дальнейшее творчество Островского. Но уже и сейчас ясно, что путь от «Москвитинина» к «Современнику» не был для Островского случайным.

Среди коротеньких писем к Некрасову, в которых драматург извещает о ходе работы над пьесами да просит выслать гонорар, есть и такие примечательные строчки, написанные Островским при известии о недомогании Некрасова: «Как Вам умирать? С кем же тогда мне идти в литературу? Ведь вы с Вами только двое настоящие народные поэты, мы только двое знаем его, умеем любить его и сердцем чувствовать его ужасы без шаблонного западничества и без детского славянофильства. Славянофилы надевали себе деревянные мужички да утешались ими. С кулаками можно делать всякие эксперименты, они есть не просят».

Островский, по собственным его словам, написал целый русский театр (в другом письме: «целый народный театр»). Так и есть. Были на русской сцене и до его замечательных произведений отечественной драматической литературы, но это

были считанные жемчужины. Он первый дал русскому театру огромный репертуар, он наполнил сцену десятками и сотнями людей, взятых из самой российской жизни, он определил реалистический лик русской сцены, оказал огромное нравственное и эстетическое воздействие на зрителей и воспитал несколько поколений артистов, оставивших славу нашего сценического искусства.

В театре он видел прежде всего трибуну, с которой можно разговаривать с народом. «Драматическая поэзия», — писал он, — ближе к народу, чем все другие отрасли литературы... Эта близость к народу нисколько не унижает драматической поэзии, а, напротив, удваивает ее силы и не дает ей ополчиться и измалывать; и только те произведения пережили века, которые были истинно народными у себя дома; такие произведения со временем делаются понятными и ценными для других народов, а, наконец, и для всего света».

Ничто не было более чуждо ему, чем безродный космополитизм. Он высоко ценил самобытный национальный характер русской литературы, он умел гордиться своими великими предшественниками. Превосходно сказал он в своей знаменитой речи о Пушкине: «Он завещал нам некрепость, самобытность, он завещал каждому быть самим собой, он дал всякой оригинальности смелость, дал смелость русскому писателю быть русским».

Этим пушкинским заветам сам Островский следовал неуклонно. Продолжая реалистические традиции русской драматургии, традиции Фонвизина и Грибоедова, Пушкина и Гоголя, он поднял русскую драматургию на высоту небывалую. Во всей мировой литературе XIX века нельзя назвать драматурга, равного ему.

Самобытный национальный характер драматургии Островского совершенно асен каждому. Каждому, но только не апологам предвосторженного историко-сравнительного метода. Они не преминули, разумеется, подвергнуть его пьесы оскорбительному таможенному осмотру на предмет установления иностранных влияний и заимствований. Им палец в рот не клади, — всю руку откусят. Достаточно, скажем, что в «Пучине» упоминается мелодрама «30 лет, или жизнь нирок», чтобы «доказать» факт заимствования драмы Островского от мелодрамы Дюканжа: Кисельников, оказывается, тот же Жюль, Погуляеву соответствует, то же Перерывов — Варнер и т. д. и т. п. Столь же безапелляционно, например, устанавливается влияние шекспировской «Школы злодеяния» на комедию Островского «На всякого мудреца довольно простоты». Улики при этом приводятся примерно такие: у Шекспира невесту зовут Марией, у Островского — Машенькой. Ну как же не заимствование!

Советскому литературоведению предстоит до конца развешать все попытки последователей школы Веселовского умять национальную самобытность драматургии Островского.

Работы нечестный край.

Островский и традиции предшествующей ему русской драматургии, Островский и революционно-демократическая критика, влияние Островского на последующую нашу драматическую литературу, мировое значение театра Островского, — вот темы, которые ждут исследователей.

Но как ни мало появляется пока исследований о драматургии Островского, нельзя забывать, что работа по истолкованию его пьес ведется непрерывно, ежедневно и притом в огромных масштабах.

Речь идет о театре.

Речь идет о тысячах спектаклей на сцене сотен наших театров.

Ежедневно в Москве и Ленинграде, в Киеве и Тбилиси, в Риге и Хабаровске, в Калининграде и Южно-Сахалинске, в городах больших и малых, в театрах для взрослых и для детей, в рабочих дворцах культуры и в колхозных клубах десятки тысяч зрителей с волнением следят за судьбой Ларисы, негодуют вместе с Несчастливцевым, плачут вместе с Катериной, радуются вместе с Кручинной, смеются над Лисочкой, сочувствуют Мелузову, ненавидят Кабануху.

Какая сила заставляет нас с такой горечью заинтересованностью следить за картинами былой жизни, запечатленными пером мастера и воскрешаемыми на сцене?

Что привлекает нас в творениях Островского? Что мы ищем в них? Что мы в них находим?

Верную картину далекого и, к счастью, невозвратного прошлого? Сцены из купеческой, помещичьей, чиновничьей жизни второй половины минувшего века? Да, и это.

Но не только это.

Нам, конечно, нужно знать прошлое, нам, разумеется, важно оглянуться на темное царство Диких и Кабанух, хотя бы для того, чтобы понять, какой огромный скачок к свободе и справедливости мы совершили. Но ведь не только любопытство, не только стремление побольше знать о прошлом приводит нас на представления пьес Островского.

Нет, не с холодной любознательностью, но с гневом и с жадностью взираем мы на жизнь, воплощенную в пьесах великого драматурга.

Подлые противостественные отношения собственного мира, объявленные у нас вне закона, все же дают себя знать: предвещания старого мира живучи. Островский помогает нам познать их природу, а значит, и бороться с ними.

Островский горячо верил в то, что придет конец темному царству. В этом — пафос его творчества. И этим он особенно дорог нам.

А. Н. ОСТРОВСКИЙ В ГРУППЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. На снимке (слева направо) сидят: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. В. Дружинин и А. Н. Островский; стоят: Л. Н. Толстой и Д. В. Григорьев.

А. ЯБЛОЧКИНА

Народный писатель

До сих пор волнуют своими переживаниями, страстями, яркими красками самых различных чувств образы, созданные гениальным Островским. Советский зритель знает и любит произведения величайшего реалиста, потрясающего правдой изображением жизни и вместе с тем пленяющего романтикой, полной народной поэзии.

Как много дает работа над образами Островского, какой прекрасный материал представляют они для развития приемов актерского мастерства! Как прекрасен яркий, сочный и подлинно народный язык Островского! Как помогает актеру такая живая речь лепить образ во всей полноте! На мою долю выпало счастье два раза встретиться с писателем.

Впервые я увидела его в 1881 году, когда мне было всего 12 лет. Я училась в Петербурге, моим инспектором был известный переводчик Шекспира, поэт П. Вейнберг. По его инициативе, в нашей гимназии устраивались «литературные вечера», где выступали с чтением своих произведений известные писатели и поэты — Гончаров, Островский, Майков, Плещеев и другие. Что именно читал на этот раз Островский, я уже не помню, но запомнилось, что читал он замечательно: необыкновенно ярко вырисовывались образы, их характерные черты. Всегда сохранялись в памяти выразительная речь Александра Николаевича, оттеняющая красоту и богатство русского языка.

Весной 1886 года состоялась моя вторая встреча с А. Н. Островским. Александр Николаевич устроил «пробу» молодых сил с тем, чтобы взять к себе в школу Малого театра наиболее одаренных. Я показывалась в двух ролях: Катерины (II акт из «Грозы») и Софьи (I акт из «Горе от ума»). Авторитет Островского среди актеров был огромным, его мнение считалось непреложным, поэтому моя сценическая судьба во многом зависела от результата моего выступления.

Конечно, роль Катерины — женщины, которую охватило огромное, всепоглощающее чувство, была не по силам застенчивой, наивной 17-летней девушке. Кроме того, и внешне я мало подходила к этому образу: слишком тонкая фигура была у меня.

Для кучерской жены. Островский не мог узнать во мне своей Катерины и сказал: «Какая же это Катерина с такой талией?»

Другое дело — образ Софьи, капризной и своенравной светской барышни. Александр Николаевич полюбил мое исполнение этой роли. Он хвалил меня и решил взять в число своих учеников, обещая, если в репертуаре театра найдется подходящая роль, дать ее мне сыграть. Трудно передать, как я была счастлива! Я стану ученицей самого Островского! Но мечтам и надеждам моим не суждено было осуществиться. Летом этого же года Александр Николаевич скончался.

Драматургия Островского для нашего старшего поколения имела особенное значение. На его творениях мы учились реалистическому искусству.

За время моей работы в театре я сыграла 23 роли в 16 пьесах Островского. Переходя с течением времени от молодых ролей к более зрелым, а затем к старухам, я перебрывала в одной и той же пьесе несколько ролей: сначала играла дочь, а потом мать, племянницу, затем тетку и пр. Особенно любимые роли: Негина («Таланты и поклонники»), Лидия («Бешеные деньги»), Глафира («Волки и овцы»), Василиса Мелентьева в пьесе того же названия, Мамзеева («На всякого мудреца довольно простоты»).

Всю я сыграла более двухсот ролей самых различных авторов. Я играла и в пьесах лучших западных классиков: Шекспира, Шиллера, Гюго, Расина. Но ближе всех для меня Островский, этот поистине русский, народный писатель.

Когда мне снова приходилось возвращаться к работе над той или иной ролью Островского, то всегда я находила в ней новые стороны, что позволяло мне в какой-то степени видоизменять образ, трактовать его в соответствии со временем, с новыми жизненными требованиями.

62 года я играю на сцене, и в каждом спектакле Островского с волнением, любовью и огромной радостью я стараюсь воплотить замечательные реалистические образы гениального мастера русской национальной драмы.

В. ИМЕДАДЗЕ

Бескорыстный учитель

В истории культурных взаимоотношений русского и грузинского народов яркие страницы связаны с именем великого русского драматурга А. Н. Островского.

Постоянная грузинская театральная труппа была создана в 1879 году. Трудности, испытываемые молодым театром в подборе репертуара, в значительной степени были устранены благодаря привлечению на грузинскую сцену шедевров русской драматургии, в том числе гениальных пьес А. Н. Островского. Творчество русского драматурга заняло прочное место в грузинском театре с первых дней его возникновения. Наполненные большим содержанием, пьесы Островского явились для грузинского национального театра благодарным материалом. Подлинно национальный русский драматург поднимался в своем творчестве до высоких обобщений; мрачные силы «темного царства», жестокие «хапуты» — капиталисты, самодуры-чиновники, все эти Дикие, Кабанухи, Брусковы были врагами и русскому и грузинскому народам. Гневные, обличающие слова Несчастливцевых, Незнамовых, Дулигиных вселяли в наших грузинских зрителей бдительность, мужество. Вот почему пьесы А. Н. Островского не сходили с грузинской сцены. Они откликались на заветные мысли грузинского народа, рука об руку с великим русским народом борющегося за свое освобождение. Творчество русского драматурга, таким образом, не только оказало влияние на становление грузинского театра, — оно имело более широкое общественное значение.

Благотворное воздействие творчества А. Н. Островского можно проследить на пьесах известного грузинского драматурга А. Пагарили, которого называют «грузинским Островским». Влияние русского драматурга сказалось не только на общем направлении творческих замыслов и тем грузинского писателя, но и на манере письма, проявившись в умении отбирать типические характеры, в композиционном построении пьес. Недаром А. Пагарили называет Островского своим «бескорыстным учителем». Просмотрев в 1883 году в Тифлисе комедию Пагарили «Другие вьюные времена», А. Н. Островский одобрил отозвался о пьесе, сказав автору: «Прекрасно! Продолжайте писать именно в этом духе. Вы стоите на правильном пути».

Любовное отношение к творчеству Островского проявляли и грузинские актеры. Стало почти традицией грузинских актеров, — на это обратил внимание поэт-академик Иосиф Гришашвили, — ставить в свой бенефис пьесы Островского. Прекрасный актер Ладо Мехкишвили перевел на грузинский язык пьесу «Василиса Мелентьева» для того, чтобы сыграть роль Пвана Грозного. Он же в 1906 году в бенефисном спектакле выступал в роли врача Навина в пьесе «Счастливый день». В 1901 году в бенефис известной артистки Елизаветы Черкезишвили впервые в Грузии была показана комедия «Волки и овцы». Особенно успехом пользовались спектакли «Долгое место» и «Без вины виноватые»; последняя пьеса до сих пор с большим успехом идет на сцене Театра имени Руставели.

Осенью 1883 года А. Н. Островский был в Грузии. Тогда особенно горячо проявились симпатии к нему грузинских переводчиков демократических кругов. Встреча показала, какими прочными узами соединены русская и грузинская культуры. Драматург записал в своем дневнике: «Вечером в театре Арцруни грузины давали

для меня спектакль... У входа на улицу, на лестнице и по галлерей... стояла неслетная толпа народа... При моем входе в ложу поднялся занавес, вся грузинская труппа в национальных костюмах была на сцене. Режиссер труппы прочел мне приветственный адрес, очень тепло и умно написанный, а грузинский поэт Пагарили прочитал свое стихотворение на грузинском языке, затем под аккомпанемент оркестра труппа запела по-грузински многолетне, вся публика встала и обратилась к моей ложе, — многолетне, по требованию, было повторено...»

Приветственный адрес был составлен видным грузинским общественным деятелем Н. Николадзе и прочитан от лица грузинского театра артистом В. Абашидзе. В приветствии актеры обращались к Островскому, как к «дорожному учителю». «Мы бесконечно счастливы, — говорилось в адресе, — что на нашу скромную долю выпала высокая честь послужить при помощи Ваших творений одним из звеньев моральной связи между двумя этими народами (русским и грузинским). — В. И.), имеющими столько общих традиций и стремлений, столько взаимной любви и симпатий».

Проявляя живой интерес к грузинскому народу, его театру и драматургии, к грузинскому музыкальному фольклору, писатель предпринял путешествие по Грузии. Страна очаровала его своей природой, людьми. Дневник писателя содержит много записей, свидетельствующих об этом. Познакомившись с труппой театра и оставшись довольным ее талантливым составом, драматург высоко оценил самоотверженное служение актеров народу, национальную культуру. Узнав о тяжелом материальном положении театра, А. Н. Островский потребовал от кавказского начальства финансовой отсидки театру. «Высокое» начальство отказало в помощи, но грузинский народ оценил поступок великого писателя в годы мрачной реакции, в годы преследования всего грузинского, ставшего на защиту молодого национального театра. Народ Грузии еще раз убедился, что существуют две России — Россия передовая, могучая культура, страна Пушкина, Лермонтова, Белинского, Чернышевского, Островского, и Россия реакционная — Россия паря, его сатрапов, жестоких алчных колонизаторов.

В Островском все передовые люди Грузии видели достойного представителя великого братского народа. Так же, как в 1829 году общественность Тифлиса необычайно тепло встретила А. С. Пушкина, в 1883 году она чествовала А. Н. Островского.

После поездки в Грузию, которая доставила А. Н. Островскому, по его словам, «много удовольствия и немалую пользу», драматург написал пьесу «Без вины виноватые». Это был замечательный подарок русской культуре, а вместе с тем и грузинской. Александр Николаевич говорил о своем новом произведении: «Это чуть ли не пятидесятое мое оригинальное произведение, и очень дорогое для меня во многих отношениях: на отделку его потрачено много труда и энергии, оно писано после поездки на Кавказ, под впечатлением восторженного приема, какой оказывала мне тифлисская публика».

После смерти писателя грузинский журнал «Театр» в статье, посвященной светлой памяти гиганта русской драматургии А. Н. Островского, писал: «И для нас, грузин, также не был ты далеким, чужим, талантливый и честный деятель, и потому навеки-вечные останутся среди грузин твои незабвенные имя».